

Поковырившись немного, Ли Минъюй понял, что руки Ду Ицзэ не сдвинуть с места, и сдался, беспомощно сев рядом с ним на голый холм, наблюдая, как ярко-красное солнце медленно поглощается горизонтом.

Ли Минъюй спросил его, как прошли полгода в Америке, и не пытался ли Гу Мин сбежать снова.

— Нет, всё было спокойно. Я целыми днями играл в карты, — ответил Ду Ицзэ.

Для Ду Ицзэ задание всегда было главной линией, которая шла параллельно его жизни с Ли Минъюем и никогда не пересекалась с ней. Эта слабая симпатия не позволяла ему причинить Ли Минъюю вред, но это не означало, что он включил его в свои планы.

Он спросил Ли Минъюя:

— Смотрю, ты неплохо устроился, даже мотоцикл купил. Небось теперь будешь катать девушек по всему городу?

Ли Минъюй с отвращением махнул рукой:

— Какие там девушки? Я сейчас в полном воздержании.

— Ого, как же ты скромн, — насмешливо посмотрел на него Ду Ицзэ. — Что, боишься признаться?

Ли Минъюй не ожидал, что Ду Ицзэ вдруг вспомнит об этом. Раньше он клялся, что точно не ходил играть в маджонг, а теперь Ду Ицзэ поверил ему, и он боялся, что его сочтут похотливым подлецом, который полгода только и делал, что искал приключений. Он поспешно отрицал:

— Нет, я не...

— Тебе не нужно скрываться от меня, я ведь тоже мужчина, всё понимаю.

— Да я правда не! — Ли Минъюй замялся, его голос стал тише. — Просто я тогда слишком много выпил, поэтому...

Ду Ицзэ усмехнулся:

— Ты что, ещё и пьянеешь?

Ли Минъюй не осознавал, что пил поддельный алкоголь, но последнее, что он помнил перед тем, как отключился, было именно это. Чем больше он думал, тем хуже становилось его выражение лица.

— Я правда не вру, я вообще отрубился!

— Ну, значит, уже после того, как всё сделал, ведь на следующий день ты точно знал, где был.

— Нет... Правда же! Спроси у Лазурного Дракона!

Ду Ицзэ поднял бровь:

— Я уже спрашивал, он говорил совсем другое.

— Эх, этот мелкий подлец...

— А Юй, ты сейчас выглядишь как человек, которого поймали на измене, но он утверждает, что был просто слегка навеселе.

Ли Миньюй был в отчаянии:

— Я правда был пьян, ничего не делал!

— А почему пьяный не может ничего сделать?

Ду Ицзэ, похоже, никогда не напивался, и Ли Миньюй занервничал:

— Потому что в пьяном состоянии ничего не встанет!

Ду Ицзэ не сдержался и рассмеялся, слёзы брызнули из его глаз, и он повалился на жёлтую землю. Он смеялся не над тем, что Ли Миньюй не смог, а над тем, как тот выглядел, словно женщина, доказывающая свою невиновность.

И ещё он не мог отрицать, что факт того, что Ли Миньюй не ходил к проституткам, очень его обрадовал.

Однако Ли Миньюй думал, что Ду Ицзэ смеётся над его «несостоятельностью», и его лицо покраснело от злости, как у взорвавшейся рыбы-фугу.

После того как Гу Е вернул Гу Мина в страну, он больше не оставлял его в своём загородном доме, а разрешил переехать в центр города.

Ли Миньюй снова «вступил в должность», снова возглавив группу ярко одетых подчинённых, отвечающих за безопасность Гу Мина. На этот раз ему было ещё труднее: в центре города было полно сомнительных личностей, а поток людей, идущих на работу и с работы, был огромным. Ему приходилось прятаться за углом, тайно наблюдать и при этом осторожничать, чтобы Гу Мин его не заметил.

Ду Ицзэ же был отправлен в отпуск по указанию Гу Е — он считал, что Гу Е начал подозревать его с тех пор, но, вероятно, не предпринимал действий из-за отсутствия доказательств. Ли Миньюй же ничего не заметил, он считал, что это знак того, что Ду Ицзэ теперь равен ему, ведь когда Гу Мин был в Америке, Е-гэ тоже дал ему отпуск, и теперь, после полугода работы, было логично позволить Ду Ицзэ отдохнуть.

Этот отпуск продлился до Нового года. Ли Минъюй, несмотря на зависть, был рад за него.

— Отпуск — это же здорово! Это значит, что Е-гэ тебя ценит!

Ду Ицзэ посмотрел на него, говорящего всякую чепуху, и сказал:

— Слишком много свободного времени — это скучно.

— Хочешь, возьми мой мотоцикл покататься? — Ли Минъюй уже полез за ключами. — В любом случае, у меня сейчас нет времени на него.

— Так щедро? Ты же долго копил на него.

— Я хочу тебе его отдать, разве это плохо? — Ли Минъюй тряхнул головой. — Тысяча золотых не купит моего желания.

В этот период Гу Мин либо находился под присмотром Ли Минъюя и его команды, либо сопровождался Гу Е, так что даже когда Ду Ицзэ следовал за Ли Минъюем к месту проживания Гу Мина, он не находил подходящего момента для действий.

Первый прямой контакт Ду Ицзэ с Гу Мином произошёл во время Нового года.

Обычно в праздники Гу Мин тоже должен был выходить в сопровождении Ли Минъюя и его людей, но случилось неожиданное: Гу Е внезапно заболел с высокой температурой, и за ним нужно было присматривать. Когда Ли Минъюй получил звонок от Гу Мина, он подумал, что тот хочет его обмануть, и на всякий случай позвал Ду Ицзэ с собой, оставив его ждать в машине, а сам поднялся наверх.

Ли Минъюй постучал в дверь Гу Мина, вошёл в его спальню и, широко раскрыв глаза, увидел, что Гу Е, который должен был быть на совещании в другом городе, действительно лежал в постели с высокой температурой, почти без сознания. Гу Мин поручил ему измерять температуру каждые три часа, а сам ускользнул, чтобы встретиться с коллегами в баре и отпраздновать праздник.

Ли Минъюй не знал, уйти ему или остаться, но подумал, что хорошо, что он взял с собой Ду Ицзэ, и сразу же позвонил ему, попросив о помощи.

Ду Ицзэ, конечно, согласился. Он вовремя остановил Гу Мина у лифта, любезно предложил ему сесть в машину, отвёз его к бару, проводил внутрь и сел в машину слушать радио.

Приближался Новый год, и улицы были заполнены людьми. Мелкие снежинки падали на лобовое стекло, превращаясь в капли воды. Южный город был скромнее в своих снегопадах, не то что их родной город, где за одну ночь могло расцвести тысяча белых снежных цветов, величественных и гордых.

Диктор уменьшил громкость лирической музыки и начал рассказывать о друзьях,

родственников и далёкой родине, его голос был спокоен, с переливами интонаций. Ду Ицзэ оставался равнодушным, он отодвинул сиденье водителя назад, устроился поудобнее и лениво наблюдал за толпой за окном.

Для него это был обычный день в январе или феврале. После того как он покинул базу, он не раз отмечал Новый год, но это всегда был «иностраный» Новый год. Тогда он был наёмником, и они выбирали стройную ель неподалёку от лагеря, рубили её топором, несли в казарму, украшали гирляндами, и каждый держал в руках чашку горячего какао, рассказывая о своих любовных приключениях и женщинах, с которыми проводил время — вот и весь праздник.

Он уже не мог вспомнить, какими были пельмени в доме Ли Минъюя, и даже не помнил, как однажды укусил монетку в пельмене и чуть не сломал зуб.

Тогда Ли Минъюй выхватил монетку из его руки и закричал:

— Вау, Сяо Ду! Это к богатству!

Бабушка Ли налила уксус в маленькую тарелку:

— Ты красивый, у тебя всегда будет счастье!

Но он действительно не мог вспомнить. Детские годы были как яркий узор, но узор этот потускнел, и он уже не мог разглядеть его детали.

Ду Ицзэ откинулся на сиденье, полуприкрыв глаза, и смотрел на вход в бар. Он думал, что сегодня хороший день, и к тому времени, когда Гу Мин закончит свою вечеринку, день уже сменится ночью.

Но не прошло и много времени, как Гу Мин тайком вышел из бара — он снял свою куртку и свитер, словно не хотел, чтобы его заметили, и быстро пошёл, опустив голову. Ду Ицзэ замер, тут же вышел из машины и, пробираясь сквозь толпу, последовал за ним, наблюдая, как тот заходит в соседний магазин, покупает куртку, надевает её и продолжает идти в направлении, противоположном бару.

Ли Минъюй был прав, этот человек действительно хотел сбежать.

Гу Мин прошёл две улицы и вдруг сел на скамейку, выглядя потерянным. Ду Ицзэ стоял за толстым стволом камфорного дерева, собираясь закурить, как вдруг ему позвонил Ли Минъюй.

— Ну как? Ты его доставил?

<http://bllate.org/book/15266/1347257>